

«МЯГКАЯ СИЛА» В ПОЛИТИКЕ КИТАЯ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Анализируя сегодня основные направления политики Китая в странах ЮВА нельзя не прийти к выводу, что Пекин в последнее время все больше использует в продвижении своих целей в этом регионе так называемую «soft power» или, иначе говоря, мягкую силу. Об этом термине у нас написано уже очень много, а сам его основатель Джозеф Най уже процитирован во всех возможных видах. Это и понятно, так как в современном мире, когда способность правящих режимов по подавлению внутренней оппозиции сильно ограничена, открываются возможности эффективного влияния страны-экспансиониста на внутривнутриполитические процессы в странах являющихся объектами экспансии, формирования там не только политической оппозиции, но и целых социальных слоев в случае конфликта выступающих с позиций коллаборационизма. Чаще всего их представители утверждают, что иностранное господство и угнетение или полная ликвидация национального суверенитета служат целям национальной модернизации, общественного блага и этим еще более подрывают возможность активного сопротивления.

«Мягкая сила» в современном мире превратилась в этакий волшебный ключ, в необходимый атрибут любой экспансионистской политики, так как позволяет стране экспансионисту добиться своего доминирования не прибегая или почти не прибегая к вооруженной силе. Этот тезис вполне подтверждается всем опытом современных международных отношений, который свидетельствует о том, что своих целей государство, осуществляющее экспансию, не всегда может добиться, опираясь лишь на военную и экономическую мощь. В большинстве случаев достичь их удавалось только при помощи других элементов собственно и составляющих содержание политики «мягкой силы» – внешняя политика, политическая идеология, экономический альтруизм, духовная и материальная культура. Соеди-

ненные вместе эти элементы безотказно работают на повышение привлекательности образа (имиджа) страны-экспансиониста, скрывают истинные цели ее политики и позволяют завоевать симпатию и поддержку со стороны людей и особенно интеллектуальных элит в том регионе, который и является собственно объектом экспансии. Ведь очевидно, что хорошо закамуфлированная экспансионистская политика с большой вероятностью будет привлекательной и результативной, если она будет базироваться на распространении и принятии общих ценностей, культурных и моральных идеалах страны – экспансиониста в стране – объекте экспансии. При этом эти ценности пропагандируются как универсальные и правильные, несущие блага принимающим их народам. Еще одна важная особенность политики мягкой силы заключается в том, что она разделяет общество и направлена точно на наиболее политически активные и влиятельные социальные слои. Она всегда использует реально существующие в стране-объекте экспансии внутренние противоречия. Чаще всего это – межэтнические конфликты, но также может использовать и конфликты социальные, упирая на неэффективность политики правительства, несправедливость и бедность, а также конфликты региональные – бедные и богатые регионы, возможность резкого улучшения жизненной ситуации людей в бедных регионах в случае их отделения. Играя на этих противоречиях и создавая миф о возможности их решения в случае вмешательства извне она фактически парализует объект экспансии, переводит противоречия в конфликты позволяя стране-экспансионисту добиться своих целей.

В истории XX века американцы были одной из первых наций в мире, которые научились эффективно использовать «мягкую силу» в своих интересах. Сильно мифологизированный комплекс представлений о так называемой «американской мечте», распространяясь за фронты «холодной войны», служил прекрасным подспорьем для американской внешней политики. Да и не только за фронты «холодной войны». Согласие Европы на американское лидерство после 1945 г., перелом антиамериканских настроений в Японии на рубеже 70-х-80-х годов XX века, так называемые «бархатные революции» в Вос-

точной Европе, распад Советского Союза - только отдельные примеры успешности такой политики, обеспечивший, в конечном счете, доминирование США в современном мире.

Долгое время казалось, что только США и Запад в широком смысле этого слова могут обладать монополией на «мягкую силу», но сегодня в рамках своей расширяющейся экспансии в Азии Китай все больше перехватывает здесь у США инициативу в проведении такой политики. При этом совершенно неважным оказывается тот факт, что Америка в рамках своей экспансии «стремилась распространять свою идеологию или систему власти, а действия Китая за пределами своих границ продиктованы его потребностями в энергетических ресурсах, металлах и других видах стратегического сырья»¹. Сегодня Китай все более уверенно сочетает вопросы установления экономического контроля с эффективным курсом на формирование полноценного образа страны, многие аспекты политики которой заслуживают восхищения и подражания. Особенно ярко это проявляется в отношении стран АСЕАН, которые без сомнения являются сегодня первым и главным объектом китайской экспансии. Такое положение связано с действием ряда причин:

а) регион ЮВА, непосредственно примыкая к китайским границам, служит как бы продолжением Южного и Юго-Западного Китая, причем собственно линия, где заканчивается Китай и начинаются территории стран ЮВА очень нечетка, так как проходит в основном по малонаселенным районам обитания небольших горных народов, которые, подчас, только номинально признают себя подданными властей Мьянмы или Лаоса. Через эту границу идет не только огромный поток законной и незаконной торговли, но легко распространяются представления о Китае как о процветающем и привлекательном государстве. В этих районах местные торговцы по большей части ведут свои операции уже не в долларах или в национальных валютах стран ЮВА, а в юанях. Они же копят деньги тоже в юанях, расширяя тем самым зону обращения китайской валюты. Как отмечал российский журналист, совершивший недавно поездку в Мьянму «в беседах бирманцы признают, что северная часть страны фактически уже оккупирована китайским бизнесом. В

северных районах Мьянмы расчеты ведутся китайскими юанями, действует китайская мобильная связь, вывески – на китайском, открыты китайские школы, выходят газеты на китайском языке»². Можно сказать, что в приграничье Китай уже давно доминирует в умах и симпатиях местных народов, которые, рассматривают, например, недавние попытки мьянманских властей навести порядок вдоль границы с Китаем как чуть ли не вторжение оккупантов и обращаются к Китаю за помощью в своих сложных отношениях с центральными властями. Кстати Китай на эти обращения демонстративно реагирует, направляя как это было совсем недавно в Мьянме своих высокопоставленных чиновников защищать интересы горцев.

Более того, сегодня, все более проясняется и продвигаемый властями КНР путь постепенной институализации своего неформального влияния на положение дел в пограничье в реальное влияние. В конце марта 2010 г. было объявлено о создании Китаем совместно с Лаосом и Таиландом «международной туристической зоны «и кольца пограничной торговли» как районов с особым юридическим статусом. В эти зоны должны войти как собственно китайские районы на юго-западе Юннани, так и части трех лаосских и двух тайландских провинций³. Понятно, что официально утверждается, что этот совместный проект делается исключительно в интересах подъема местных экономик. В то же время можно прогнозировать, что не лаосцы и тайландцы будут устанавливать правила игры для юго-запада Юннани, а скорее наоборот, переданные в эти зоны под совместный контроль части северных провинций Лаоса и Таиланда могут стать первым районом в ЮВА, где Китай, еще более размыв линии пограничного контроля, сможет доминировать, опираясь на соответствующие договоренности со своими соседями. Не исключено, что в перспективе при успехе такого «сотрудничества» подобные соглашения будут предложены и мьянманским властям.

б) контроль над странами ЮВА необходим расширяющемуся Китаю и с точки зрения глобальной геополитики, возможности выхода к Индийскому Океану, что кардинально изменит его военно-стратегические возможности и укрепит претензии на мировое лидерство. Успешные попытки добиться этой цели

реализуются сегодня и на наших глазах. В Мьянме, например, на Араканском побережье китайцы фактически купили порт, газовое месторождение, к которому тянут от границы Юннани сеть дорог, газо- и нефтепроводов. На побережье Андаманского моря с октября 2009 г. кампания PetroChina активно строит нефтяной терминал, по которому на первом этапе проекта в Китай будет поступать ежегодно 12 миллионов тонн нефти с Ближнего Востока. (К трубопроводу нефть будет поставляться на танкерах, которым не придется идти в Китай длинной дорогой через Малаккский пролив)⁴. Успех в реализации и в расширении этого проекта грозит не только разрезать Мьянму пополам китайскими коммуникациями, но и позволит Пекину твердо встать в Андаманском море и в Индийском океане

в) У Китая по всем социологическим опросам позитивный ресурс в глазах местного общественного мнения больше чем у какой-либо из великих держав. За исключением Вьетнама, который не раз в истории выступал, как жертва китайской агрессии, в других странах региона традиционный имперский Китай всегда ассоциировался как далеко расположенный верховный сюзерен, к которому постоянно обращались те страны, которые подвергались нападению соседей. Кроме того, Китай всегда и культурно и политически присутствовал в регионе, привлекал местные народы и своей культурой и высоким качеством изделий, которые доставлялись с его территории. Отношение местных народов к китайцам по большей части всегда было довольно сложным, в нем сочеталось и опасение, и зависть и уважение к их энергии и труду. Как правило, прибывавшие в регион ЮВА многочисленные китайские мигранты и беженцы, всегда старались быть хорошими подданными стран своего расселения, а многие активно ассимилировались среди местной правящей элиты. Породниться с китайцами всегда было очень престижно в странах ЮВА.

В Юго-Восточной Азии Китаю проще распространять свое влияние еще и потому, что по некоторым подсчетам в этом регионе сегодня проживают около 30 млн. этнических китайцев, которые практически во всех странах играют ключевую роль в местной экономике. По информации, приводимой в известной работе Е.В. Верлина «этническое китайское меньшин-

ство, согласно данным академических изданий КНР, занимает в большинстве стран ЮВА ведущие экономические позиции: в Индонезии они контролируют 70% экономики (составляя 3% от общей численности населения); в Таиланде – 60% (10%); на Филиппинах – 70% (3%); в Малайзии – 50% (32%). Ведущие позиции – относительно других этнических групп – занимают этнические китайцы и в Сингапуре, где они составляют этническое большинство (78% населения); их относительно скромная доля в валовом промышленном производстве (порядка 35-40%) объясняется весьма значительной ролью зарубежного капитала в сингапурской экономике (на него приходится свыше 50% ВВП)⁵. Без сомнений большая часть хуацяо в странах ЮВА как раз и есть тот слой, который, с энтузиазмом готов разделять и пропагандировать почти все из того, с чем сюда приходит Китай.

Наконец, Юго-Восточная Азия необходима Пекину еще и в том, что именно в этом регионе сегодня разворачивается наиболее напряженная первая для Китая битва за преобладание и доминирование, где с одной стороны выступают США совместно с Японией, а с другой собственно КНР. Эта битва разворачивается за симпатии и поддержку со стороны местных элит, за их «добровольный выбор». И хотя Пекин и отрицает сам факт такой борьбы и в январе в Джакарте, выступая на секретариате АСЕАН член Госсовета КНР Дай Бинго заявил, что «мы не намерены вытеснить США из азиатского региона»⁶ на самом деле эта борьба не просто происходит, а становится все более открытой и ожесточенной. Японцы, например, действуя в тесной связи с США, объявили в ноябре 2009 г. о том, что собираются выделить странам бассейна Меконга 5,5 млрд. долларов для реализации 60 проектов⁷. А это как раз те страны – Вьетнам, Лаос, Камбоджа, Мьянма и Таиланд, где Китай действует наиболее активно, захватывая контроль и над их торговлей и над основными проектами развития и над устремлениями правящих элит. В этой связи совершенно по-особому воспринимаются планы японцев пригласить на учебу в Японию около 30 тысяч молодых представителей стран бассейна реки Меконг⁸.

В условиях очевидного противодействия своим планам Пекин всеми силами старается сформировать в этом регионе

все компоненты политики «мягкой силы», справедливо полагая, что только так он сможет победить своих конкурентов. Сегодня в китайском арсенале борьбы активно задействуется все – привлекательная внешняя политика, экономический альтруизм, ценности и привлекательность духовной и материальной культуры традиционного и современного Китая, которые должны несколько затушевать малопривлекательные для многих в ЮВА особенности политической идеологии КНР.

Такой подход сильно контрастирует с тем, который существовал в 60-90-годы и нанес серьезный ущерб традиционному престижу Китая в странах ЮВА. Тогда, в основе китайских действий лежал неприкрытый экспансионизм, выразившийся в бесплодных попытках, путем поставок вооружения и разжигания партизанской войны, свергнуть правящие в странах ЮВА режимы с помощью местных коммунистов. Неудача этого плана вынудила Пекин в 80-е годы действовать напрямую и с помощью так называемых «мирных рыбаков», перейти на захват одного за другим островов в архипелаге Спратли, совершенно не реагируя на возмущение других выходящих к Южно-Китайскому морю стран.

События вокруг рифов Мисчиф в том же архипелаге произошедшие в 1996 г. когда китайцы захватили небольшие кусочки суши, на которые претендовали Филиппины, стали последним актом в политике силы в отношении стран ЮВА. Возмущение в регионе стало настолько всеобщим, а сами эти события получили такой широкий отклик в мире, что возникла реальная угроза как возвращения американских военных баз на Филиппины, так и формирования имиджа Китая как откровенно экспансионистского государства, опирающегося в отношениях с соседями только на военную силу.

В Пекине такого поворота явно не желали поэтому произвели резкую перемену курса: «мирные рыбаки» были отставлены и на первый план вышли дипломаты, начавшие переговорный процесс, в котором Китай неожиданно стал проявлять доброжелательство и уступчивость в отношении своих партнеров. Китайцы стали действовать так, как будто до этого никаких силовых акций ни против Вьетнама, ни против Филиппин не проводилось вовсе. В декабре 1997 г. Председатель КНР Цзян

Цзэминь и лидеры государств-членов АСЕАН провели свою первую встречу в Малайзии, где был подписан документ о «Добрососедском партнерстве и о взаимном доверии». В этом документе говорилось о равноправии всех сторон, взаимном уважении, сохранении статус-кво и о необходимости выработать общие для всех заинтересованных стран правила игры в Южно-Китайском море. Экспансия Китая на островах Спратли была не на словах, а реально приостановлена, а кроме того разразившийся в 1998 г. в Юго-Восточной Азии финансовый кризис позволил Китаю на деле продемонстрировать весомость своего нового курса. В критический момент кризиса, Китай не стал девальвировать юань, что могло бы окончательно подорвать устойчивость местных валют. Китайское правительство оказало в это время значительную материальную помощь своим соседям и даже выразило готовность совместно в рамках так называемой «Чиангмайской инициативы» двигаться к созданию Азиатского валютного фонда, независимого от Запада, на который страны Юго-Восточной Азии возложили вину за начало кризиса.

Для того, чтобы закрепить растущее доверие со своими соседями Китай в 2002 г подписал со странами АСЕАН целый комплекс документов, которые совершенно по-новому позиционировали его в регионе. Среди них: Декларация о правилах поведения в Южно-Китайском море (Пекин согласился с большинством формулировок, предложенных своими соседями, и заявил об отказе использовать военную силу в решении территориальных споров.);

- Совместная декларация о сотрудничестве в сфере безопасности;

- Рамочное соглашение о комплексном экономическом сотрудничестве;

- Меморандум о взаимопонимании в вопросах сельского хозяйства. Несколько позже на саммите АСЕАН, состоявшемся в октябре 2003 г. КНР присоединилась к Договору АСЕАН о дружбе и сотрудничестве, а также подписала совместную декларацию о стратегическом партнерстве ради мира и процветания.

В подкрепление своего без усталости пропагандируемого миролюбия в отношении стран АСЕАН, Китай демонстративно проводил политику, направленную на укрепление доверия с соседями на двустороннем уровне. Так, например, с 1992 по 2000 гг. состоялись 7 раундов переговоров между Пекином и Ханоем в отношении спорных территорий. В декабре 1999 г. стороны подписали соглашение о сухопутной линии границы, которое было ратифицировано парламентами обеих стран в 2000 г.. В декабре того же года Китай, предложивший отложить вопрос о принадлежности Парасельских островов для будущих поколений, подписал с Вьетнамом соглашение о делимитации территориальных вод, особых экономических зон и континентального шельфа в Тонкинском заливе. Эти соглашения оказались настолько «выгодными» для Вьетнама, что стоили поста Генсека вьетнамскому лидеру Ле Тха Фиеу, которого по неофициальной информации на пленуме вьетнамских коммунистов обвинили в прокитайском курсе и в «предательстве национальных интересов».

Вьетнамский парламент ратифицировал соглашение о делимитации территориальных вод только в 2004 г. и то из-за того, что отсутствие ратификации стало препятствием на пути развития отношений с Китаем. Противники Китая и во вьетнамском, и в филиппинском руководстве оказались в меньшинстве и в марте 2005 г., когда нефтяные компании Китая, Вьетнама и Филиппин подписали договор о совместных геолого-разведочных работах в Южно-китайском море. Филиппинцы, правда, отказались вскоре от всякого сотрудничества с Китаем в этой сфере, но это для китайской стороны уже не являлось существенным, так как цель соглашения по нефти (которую, кстати, еще никто не нашел) носила по большей части чисто пропагандистский характер – должна была засвидетельствовать желание Китая на основе равноправия и сотрудничества искать нефть и газ в спорном районе.

Можно сказать, что сегодня атмосферой приязни, уважения и растущей дружбы Китай буквально окутывает страны ЮВА. Китайский посол во Вьетнаме Сунь Госян заявил недавно, что Китай и страны- члены АСЕАН имеют общие горы и реки, между ними существует глубокая дружба⁹. Китайские

лидеры указывают, также, что Пекин, стремится выстраивать свою политику в регионе, строго придерживаясь пяти принципов мирного сосуществования. Выступая 22 января 2010 г. на секретариате АСЕАН в Джакарте член Госсовета КНР Дай Бинго заявил, что Китай не стремится к гегемонии и это является его государственной политикой и стратегическим выбором.... Страны АСЕАН могут спокойно развивать отношения с Китаем как с соседом и верным другом¹⁰.

Образ Китая как друга и равноправного участника политического процесса в Юго-Восточной Азии подкрепляется очень выгодным для стран АСЕАН экономическим курсом. Цель его вполне очевидна – тесная привязка и зависимость экономик стран АСЕАН от Китая и китайского рынка. Главный механизм реализации этого проекта – создание и развитие зоны свободной торговли Китая и стран АСЕАН. Начало его можно отнести к ноябрю все того же 2002 года, когда на саммите Китай–АСЕАН, состоявшемся в Брунее, премьер-министр Китая Чжу Жунцзи и руководители асеановской десятки подписали так называемое Рамочное соглашение о всестороннем экономическом сотрудничестве между Китаем и АСЕАН, решив в 2010 году создать зону свободной торговли Китай – АСЕАН. Изначально инициатива о создании такой зоны исходила из Пекина, который сделал странам АСЕАН «предложение от которого нельзя было отказаться», так как перспективы свободного выхода своей продукции на китайский рынок практически гарантировали им устойчивый рост и процветание. Опасения относительно слишком близкого сближения с Китаем у лидеров стран АСЕАН, конечно, были, характерно, что на протяжении всех десяти лет строительства этой зоны они проявляли откровенную пассивность и исключительно китайские власти готовили конкретные соглашения и продвигали процесс ее организации. В ноябре 2004 года Китай подписал со странами АСЕАН соглашение о торговле товарами, в котором предусматривалось уменьшение с июля 2005 года таможенных пошлин на 7000 наименований товаров. 14 января 2007 года Китай и АСЕАН на Филиппинах достигли соглашения о торговле услугами, дав обещание об открытии друг другу рынка в более, чем 60 отраслях сферы услуг. 15 августа 2009 года на состояв-

шемся в Таиланде восьмом совещании министров экономики и торговли Китая и АСЕАН было подписано соглашение об инвестициях. Обе стороны начали открывать инвестиционные рынки друг для друга.

За время вышеописанного переговорного процесса, начиная с 2002 г., общий объем торговли между Китаем и АСЕАН вырос с 54.7 млрд. долларов до 231.1 в 2008 г.¹¹. Сегодня Китай делает новые шаги от которых страны АСЕАН как и раньше не могут отказаться: в апреле 2009 г. премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао объявил о создании фонда инвестиционного сотрудничества Китай–АСЕАН на общую сумму 10 млрд. долларов и о предоставлении со стороны Китая странам АСЕАН льготных долгосрочных кредитов на 15 млрд. долларов¹². Кроме того Китай объявил о том, что : частично снял запрет на использование юаня во внешнеторговых расчетах с АСЕАН¹³, что означает в перспективе вытеснение доллара и его замещение юанем в местной и региональной торговле, еще более тесное подключение бизнеса АСЕАН к китайскому рынку. Характерно, что кроме глобальных инициатив в рамках демонстративной поддержки экономик стран АСЕАН – Китай, например, первым внес 38 млрд. долларов в антикризисный фонд АСЕАН в 2008 г., китайцы все время делают небольшие, но значимые подарки своим соседям, как например двукратное перечисление фонду АСЕАН 100 тыс. долларов в 2009 г.¹⁴ А этот неправительственный фонд важный инструмент взаимного сближения стран АСЕАН в их противостояния экспансии КНР. Оказывая ему содействие, китайцы тем самым показывают, что поддерживают культурно-политическую консолидацию стран АСЕАН и не имеют никаких планов противодействия этому процессу.

Очевидно, что с самого начала широко пропагандируемая зона свободной торговли Китая и стран АСЕАН экономически Пекину была совсем не выгодна. Это особенно стало явно сейчас, когда после первого января 2010 г. эта зона реально заработала. Только в течение первого месяца товарооборот между Китаем и странами АСЕАН достиг 21, 48 млрд. долларов США, что на 80% больше аналогичных показателей прошлого года. При этом объем экспорта Китая в АСЕАН увеличился на 52,8%, а вывоз товаров из АСЕАН в Китай на 117,3 %¹⁵. Инте-

ресно, что в Китае такой несбалансированный торговый процесс особых нареканий не вызывает, что служит лишним подтверждением тому, что для властей Пекина, всегда жестко ведущих любые экономические процессы, прибыль здесь не самое важное. Куда важнее политические дивиденды в виде растущей зависимости АСЕАН от Китая.

Зона свободной торговли неизмеримо усиливает и финансовые возможности местных китайцев. Дело в том, что фактически капитал уходящий из Китая посредством зоны свободной торговли на самом деле из так сказать общекитайского финансового оборота как бы и не выводится, так как переходит главным образом в руки те же самых китайцев, только живущих в странах АСЕАН. Благодаря этому чистые экономические потери Пекина оказываются во многом виртуальными, а подспудный выигрыш огромен – зона свободной торговли открывает возможность институализации единого рынка китайского капитала в метрополии и странах ЮВА.

Кстати, в странах АСЕАН прекрасно понимают, кому они обязаны относительно безболезненным прохождением последнего кризиса и благоприятными перспективами экономического роста. Реальная зависимость от Китая уже сейчас вынуждает их представителей, причем даже таких откровенных западников как генеральный секретарь АСЕАН Сурин Питсуван, хотя – бы внешне, но подстраиваться под китайский стиль международных отношений. Так, например на прошедшей недавно в Джакарте встрече с членом Госсовета КНР Дай Бинго он все время благодаря великий Китай, заявил, что «члены АСЕАН признательны Китаю за долгосрочную поддержку... готовы прилагать совместные с Китаем усилия для развития сотрудничества в более широких областях»¹⁶. Более близкие к Китаю лидеры стран АСЕАН, такие как премьер-министр Камбоджи Хун Сен уже не просто благодарят за поддержку, но демонстрируют готовность к тесному политическому союзу. Так, на встрече с заместителем премьер Госсовета КНР, состоявшейся 19 марта 2010 г. в Пномпене камбоджийский лидер заявил, что «Камбоджа продолжит поддержку Китая в важных вопросах, касающихся его ключевых интересов и главных озабоченностей»¹⁷.

Нельзя не отметить, что представление о Китае как большом друге и миролюбце сильно страдает от непрерывного наращивания китайских военно-морских и военно-воздушных сил, впрочем, как и перевооружения самой большой по численности в мире сухопутной армии. Действительно, темпы роста китайского военного бюджета и переоснащения китайской армии сильно впечатляют. И хотя в этом году военный бюджет КНР вырос не на ставшие уже обычными за последние 20 лет 10%, а только на 7,5 процентов, достигнув 78 млрд. долларов, что некоторые обозреватели назвали «жестом для успокоения соседей»¹⁸ никакого спокойствия у соседей естественно нет, особенно, после того как в интервью центральному китайскому телевидению Контр-адмирал ВМС КНР Чжан Шаочжун неосторожно сообщил, что основной задачей планируемого к постройке первого китайского авианосца «будет обеспечение интересов КНР на ее отдаленных морских границах и в исключительных экономических зонах, имея в виду в первую очередь острова Наньша (Спратли), так как из-за их отдаленности полеты китайских самолетов затруднены над этой территорией»¹⁹. В столицах стран АСЕАН немедленно задали вопрос – зачем китайским военным самолетам так необходимо там летать. Ведь там все уже подписано, все выверено, правило игры установлены. Внятного ответа на все эти страхи Китай так и не дал.

Еще один важный элемент политики «мягкой силы»- распространение привлекательной политической идеологии ассоциируемой с Китаем в регионе строится не на популяризации политической системы современного Китая, (как уже отмечалось большого энтузиазма она в элитах наиболее влиятельных стран АСЕАН вызвать не может), а на представлениях о золотом веке имперского Китая на упоре на общие азиатские ценности и скрытое анизападничество. Идея исторического реванша, что в Китае, что в Азии вообще, остается здесь очень актуальной, хотя ее и не любят афишировать, особенно на официальном уровне и стремятся сохранить в некоем латентном состоянии. Но в подсознании людей она присутствует, как и общая гордость за успехи Китая. Это можно сказать явление примерно того же порядка, что и общая гордость за мощь Японии в начале XX века после победы в русско-японской войне, когда,

в Токио отправились сотни молодых людей из стран Восточной Азии видевшие в ней образец для подражания и лидера в противостоянии агрессивному Западу.

Идеология успешного паназианизма, в чем-то неуловимо напоминающая довоенные японские идеи «великой зоны процветания народов Азии», неофициальное подчеркивание китайцами, что они не американцы – культурно чуждые региону, а они такие же, как и жители стран ЮВА, и кто лучше них может понять стремления и проблемы местных сообществ, подкрепляется практической политикой. В ней можно выделить следующие основные направления: а) активное привлечение в китайские вузы студентов со всего мира и особенно из стран ЮВА.. По данным, которые привел заместитель начальника Управления международного сотрудничества и обменов министерства образования КНР Лю Баоли «в 2007 г. в Китае обучалось 190 тыс. студентов из 188 стран мира, из них 30 тыс. студентов- из стран АСЕАН»²⁰. Такая, с первого взгляда не очень значительная с виду цифра не должна вводить нас в заблуждение. Дело в том, что политика «мягкой силы» совсем не рассчитана на то, чтобы охватывать все общество. Она точно работает на наиболее влиятельные его слои. Практически все из этих 30 тысяч это дети бизнес и административно-интеллектуальной элиты стран АСЕАН. Для представителей более бедных социальных групп, симпатизирующих Китаю, но остающихся в странах своего проживания предназначены так называемые институты Конфуция и многочисленные курсы изучения китайского языка. В странах АСЕАН сегодня действует 21 Институт Конфуция и 56 языковых курсов китайского языка, готовятся к открытию десятки новых²¹. Цель их распространения имеет не только включение в круг друзей Китая их учащихся и выпускников, но и формирование благоприятной для Китая информационно-культурной среды. В институтах Конфуция официально некоммерческих гуманитарных учреждений не только обучают китайскому языку, но и преподают философию и историю Китая, в крайне позитивном ключе рассказывают о современном облике страны. Первый Институт Конфуция был открыт в Сеуле в 2004 г., а уже к концу 2008 г. их насчитывалось уже 249, и действовали они в 78 странах ми-

ра²². Штаб-квартира где формируются программы для этих Институтов находится в Пекине, там, на основе партийных решений и указаний разрабатывают учебные планы, дают соответствующие методические советы всем этим центрам. Самое удивительное здесь заключается в том, что по предложению китайских властей и создание таких центров и их текущая деятельность оплачивается по большей части страной, где этот центр открывается. Их преподаватели приезжают из Китая. В 2007 г., например, за пределы Китая было направлено 1500 преподавателей и 2000 так называемых добровольцев- энтузиастов распространения китайской культуры в мире²³. Причем, вся эта деятельность, как подчеркнул уже упоминавшейся Лю Баоли «встречает поддержку местных жителей»²⁴.

Эти слова китайского чиновника вполне соответствуют действительности, так как, для всё большего числа граждан стран АСЕАН китайский язык становится главным языком бизнеса и деловых связей. Только одно перечисление контактов бизнесменов Китая и стран АСЕАН, а также представителей их административно-управленческих аппаратов за одни лишь месяц- ноябрь 2009 г. показывают реальные масштабы и интенсивность установленных связей. В ноябре 2009 г. в Куньмине прошел совместный со странами АСЕАН форум по углублению сотрудничества в освоении и использовании новых источников энергии²⁵, в октябре в Наньине закончилась 6-ая ярмарка Китай-АСЕАН ставшая крупнейшей за всю историю, в которой приняли участие тысячи представителей бизнеса Китая и стран АСЕАН. 25 ноября в Ханое закрылась встреча генпрокуроров Китая и стран АСЕАН посвященная борьбе с трансграничной и транснациональной преступностью²⁶. Торговый совет Китай-АСЕАН провел собеседование с руководителями 20 крупных предприятий Китая в в рамках подготовки к введению зоны свободной торговли Китай-АСЕАН с 1 января 2010 г.²⁷. При этом все эти бесконечные конференции и выставки, финансируются из бюджета КНР. Цель двоякая - кроме установления личных контактов еще и превратить знание китайского языка и культуры в преимущество в сферах асеановского бизнеса, когда человек знающий китайский язык априори получает преимущество по сравнению с другими претендентами на место.

Сегодня такая картина реальна не только для Малайзии, но и для Филиппин и даже Камбоджи, где китайский все больше становится языком национального бизнеса.

Разворачивание всего комплекса элементов китайской «мягкой силы» в Юго-Восточной Азии по определению процесс довольно длительный. США потребовалось почти тридцать лет, чтобы раскачать ситуацию в СССР и добиться положительного отношения к себе советских правящих и интеллектуальных элит. Примерно столько же лет потребовалось на смену настроений японцев от резко антиамериканских, когда в 1960 г. многотысячные толпы в буквальном смысле не пускали тогдашнего премьер-министра Японии Киси отправиться на подписание этого договора в Вашингтон, а потом заставили его уйти в отставку и ныне когда больше 55% японцев одобряют этот договор, а 27% выступают даже за его большее укрепление²⁸.

В Юго-Восточной Азии формирование нужного Китаю имиджа происходит существенно быстрее. Опасения относительно мощи и влияния Китая, относительно того, что «это государство, как отмечал бывший министр иностранных дел Индии Канвал Сибал, – склонно определять свои коренные интересы в одностороннем порядке, при этом, полагая, что остальные страны обязаны их уважать, даже если они определены достаточно произвольно», предупреждения о том, что «когда Китай чувствует себя задетым он тут же переходит к оскорблениям и проявлением агрессивности»²⁹, хотя и продолжают продуцироваться во влиятельных особенно в сфере масс-медиа слоях прозападной политической и интеллектуальной элиты и среди откровенных местных националистов, но все более уравновешиваются не менее влиятельными социальными группами, тесно связанными с китайским бизнесом, да и многими чиновниками регулярно встречающимися на разных форумах со своими китайскими контрагентами.

Противостоять такой постепенно разворачивающейся и становящейся все более эффективной «мягкой силе» западно-ориентированным элитам стран АСЕАН удастся со все большим трудом, так как за их спиной под воздействием китайского примера формируются социальные и политические слои сим-

патизирующие или даже ориентированные на китайскую модель развития. Их в малой степени волнуют гуманитарные вопросы или демократические нормы, а больше порядок, власть, предсказуемость и выгода сотрудничества с Китаем. Азиатские ценности, которые все более смыкаются с китайскими становятся все более важными и заметными во многих странах АСЕАН. Расцвет идеи государства-семьи в Сингапуре, концепция малазийского премьера Наджиба Разака «1Malaysia» с отрицанием западного индивидуализма и с приоритетом сильной власти, крепкой семьи и интересов общества над интересами личности – только отдельные примеры реальной популярности китайско-конфуцианских ценностей в ЮВА. Их растущую привлекательность, особенно среди образованных слоев и интеллектуальных элит стран ЮВА, которые уже более ста лет почти всегда искали образцы для подражания на Западе, с некоторым упреждением можно определить и как возвращение «рах синца», о котором в свое время писал И.В. Подберезский, и как процесс китаизации, когда все что связано с Китаем от традиционных политических и социальных институтов и до трудовых и семейных отношений становится объектом изучения и подражания. Очевидно, что такой процесс сегодня находится в самом начале своего развития и внешне очень напоминает европейскую модернизацию XIX начала XX веков, когда за спиной тогда еще феодальных элит государств Юго-Восточной Азии формировались активные слои и социальные и политически группы, симпатизировавшие или ориентировавшиеся на использование европейской модели организации общества и государства. Сегодня, за спиной прозападных правящих элит происходят точно такие же процессы.

Если все эти процессы будут развиваться в том же ключе, что и ныне то через некоторое время, несмотря на все сопротивление прозападных элит круг замкнется и Юго-Восточная Азия после более чем столетнего западного модернизационного периода вернется на новом витке к традиционному представлению о Китае как образце для подражания и непререкаемым лидере исторической Большой Восточной Азии.

- ¹ Независимая газета 21.04. 2010.
- ² А. Ткачев. Торговых отношений между РФ и Мьянмой почти нет. РИА Новости 8 апреля 2010 г. www.rian.ru/world/
- ³ Жэньминь жибао 26.03.2010.
- ⁴ (www.bfm.ru/articles/2010/02/05).
- ⁵ Верлин Е.В. Проблемы формирования и эволюции "Большого Китая" – автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук М., 2001 с.45).
- ⁶ Жэньминь жибао 25.01.2010.
- ⁷ k2kapital.com 07.11.2009.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Жэньминь жибао 18 01 2010.
- ¹⁰ Жэньминь жибао 25.01.2010.
- ¹¹ Жэньминь жибао 27.10 2009, Международное обозрение Китай и АСЕАН идут рука об руку вперед.
- ¹² РГ-бизнес N729 от 24.10. 2009.
- ¹³ А. Ильяшенко все дороги ведут в Пекин ИА Росбалт 01.2010.
- ¹⁴ Жэньминь жибао он лайн 07.03.2009.
- ¹⁵ Жэньминь жибао 12.03. 2010. Цит. по russian.people.com.
- ¹⁶ Жэньминь жибао 23.01 2010.
- ¹⁷ Жэньминь жибао 19. 03. 2010.
- ¹⁸ Gzt.ru 4 марта 2010.
- ¹⁹ rian.ru/world 04.03.2010.
- ²⁰ Жэньминь жибао on line 07.08.08. //russian.people.com.cn/.
- ²¹ Жэньминь жибао on line 07.08.08. //russian.people.com.cn/.
- ²² Жэньминь жибао on line 04.03.09. //russian.people.com.cn/.
- ²³ Жэньминь жибао on line 04.03.09. //russian.people.com.cn/.
- ²⁴ Жэньминь жибао on line 07.08.08. //russian.people.com.cn/.
- ²⁵ Жэньминь жибао 27.11 2009.
- ²⁶ Жэньминь жибао 26 11. 2009.
- ²⁷ Жэньминь жибао 26.11 2009 цит. по russian.people.com.cn.
- ²⁸ См. echo.msk.ru/blog/golovnin 19.01.2010.
- ²⁹ Hindustan Times 11/03/ 2010.